

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ АСПЕКТОВ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

(статья опубликована: Боков Д.Ю. Проблемы и перспективы развития электронного обучения в условиях информационного общества. // Профессионализация в условиях современной системы инновационного образования. Материалы международной научно-практической конференции. ИСЭПиМ, 25 марта 2011 г. Под ред. В.П. Делия.– Балашиха, Изд-во «Де-По», 2011. – С. 33-37).

В процессе становления информационного общества, количественного и качественного роста информатизации, автоматизации и возникновением в этой связи новых общественных отношений, особую остроту и социальную значимость приобретает проблема их адекватного нормативного регулирования.

Современное общество оперирует множеством регуляторов общественных отношений, среди которых – мораль, право, религия, корпоративная культура и другие, но наиболее строгим и весомым из них, гарантом развития социальности остается право [1;6;12].

Концепция информационного общества, базирующаяся на принципах глобализации, децентрализации, развития информационного, знаниевого компонентов и ряда других, предполагает отказ от устоявшегося позитивистского понимания права и обращение к более *глубоким основаниям правовой реальности*. Их методологическими предпосылками выступают следующие.

Во-первых, в контексте развития общества информации право следует рассматривать не только как самостоятельную сферу социальной реальности, но и как инструмент, способ ее конструирования и развития.

Во-вторых, информационное общество предполагает формирование полисубъектной социальности, когда в масштабе социума возникают самоорганизующиеся сферы, требующие признания себя самостоятельными субъектами общественной жизни. Важно установить и непротиворечиво описать уровни и модели их отношений, поскольку именно специфика взаимодействия в социуме задаёт направленность его развития.

В-третьих, представляется правомерным тезис социально-философской концепции Н. Лумана о том, что не существует непреложной эмпирически-нормативной организации людей в обществе, а есть лишь некая схема наблюдения, в которой позиция наблюдателя выступает «метанормой» по отношению ко всем возможным социальным выражениям нормативности [2; 4;8;10].

Как справедливо отмечает Ю.В. Тихонравов, «Право есть результат определенной реакции человека на внешнюю реальность и, одновременно,

само по себе есть антропогенная реальность, т.е. реальность, созданная человеком, но обретшая независимое от него существование» [9]. Здесь важно подчеркнуть, что объективное право как совокупность норм и правил, устанавливающих жесткий стандарт регулирования социальных отношений, не является универсальной завершенной конструкцией, это модель, адекватная социальной системе на определенном этапе развития, но принципиальное изменение системы, ее переход на новый уровень развития предполагает осознание и смену существующей модели также на принципиально новую.

В-четвёртых, собственно правовая наука, как правило, игнорирует тот *социально-культурный пласт*, в котором осуществляется правовая деятельность и реализуются организационные особенности этой деятельности, хотя именно он задает контекст, в котором возникают, существуют и реализуются нормативные акты и, в случае несоответствия ему, эти акты просто перестают работать, будучи средством и способом регулирования возникающих отношений между людьми и их сообществами. Поэтому на новом этапе развития общества *развитие правовых знаний должно согласовываться с его социально-культурными особенностями*.

Существенной особенностью новой модели регулирования социальных отношений может стать *система ответственного саморегулирования* как более тонкая и сложная форма контроля социально значимых действий.

Презюмируется, что она содержит *отказ от прямого, директивного управления* [3], на котором основана эффективность позитивного права, опирающаяся, фактически, на грубую физическую силу. То есть, информационное общество, основанное на признании безусловной значимости каждого своего участника и актора, отрицает директивное управление, которое заведомо включает взаимодействие в рамки властного административного неравенства и подавляет свободу, естественное движение и становление информационного пространства.

Как показывает М.К. Мамардашвили, переход на новый уровень социально-правового развития возможен, если полагать право объектом, обладающим свойством становления, процессуальности, что, в свою очередь, формирует ментальную установку на «отказ от посылки существования некоторого предустановленного мира с готовыми законами и сущностями» на основании осознания того, что «нечто не предустановлено в виде закона, а устанавливается в качестве закона» [5].

В качестве более совершенного способа управления в условиях информационного общества возможно использование спонтанно возникшей ныне ситуации, когда управляющий и управляемый находятся в одном информационном потоке, не устанавливая личных отношений, т.е. *управление ситуацией происходит через общую цель взаимодействия*. К примеру, абитуриенты пришли учиться и, тем самым, оформили социальный заказ на рабочее время преподавателя, который, отдавая информацию, в свою очередь, управляет образованием студентов.

Еще более сложный, но и более масштабный с точки зрения социально-культурного значения уровень управления, который, следуя Р. Дилтсу, состоит в том, что его действия не являются специально действиями по управлению. Управление возникает в этом случае как побочный эффект и не заставляет того, кто действует, затрачивать силы или вообще как-то держать в сфере своего внимания процессы деятельности других людей. Однако именно эти действия оказывают наибольшее влияние на структурирование социальной реальности. Они внешне могут быть чисто базовыми, то есть направленными не на людей, а на материальные или когнитивные объекты. Например, А. Эйнштейн, занимаясь исследованиями в области естественных наук, создал мыслительную парадигму, которая изменила способ мышления и, соответственно, деятельности большинства людей на земле. Возникновение Интернета также многократно расширило возможности человеческого познания и коммуникации, хотя изначально проектировалось только для обмена информацией внутри определённой замкнутой системы. «Управляющий» на данном уровне не зависит от людей, которые, понимая эффективность нового способа действий, принимают его и начинают активно использовать. Интерес – внутри его собственной жизни или в рамках стоящих перед ним задач.

Указанные направления исследования лежат за пределами методологии правовой науки и выступают подходами социально-философскими, но в современном гуманитарном знании, предлагающем множество моделей процессов и явлений действительности, обострилось осознание необходимости внимания социальных и специальных дисциплин к научному аппарату друг друга, поскольку их коэволюция открывает ресурс для взаимного идейного обогащения и данный факт отражает возможность изменения методологии правовых наук.

В процессе исследования выявляется философско-правовая *проблема регулирования отношений в информационном обществе*: как совместить разноплановость субъектов и их отношений, имманентно присущих информационному обществу, и привычный способ управления при помощи системы позитивного права. Следуя Луману и Мамардашвили, для решения этой проблемы представляется необходимым коренным образом *изменить ментальную установку на право как предустановленную карающую силу*, действующую в формате власти-подчинения.

Социально-правовое взаимодействие порождает правовую реальность как часть социальной реальности. Однако, в отличие от других реальностей, функция вторичного контроля (в виде санкций) является для права практически ведущей. Правовая реальность находит себе место во всех сферах современного общества как их сущностный аспект, как вторичный контроль институтов других реальностей. Правовая реальность – это объединение институтов, реализующих отчужденную (отданную праву) другими реальностями функцию санкционирования.

Таким образом, можно констатировать, что понимание глубинных оснований правовых явлений, их десакрализация позволяют преодолеть отчуждение правовой реальности от конкретных связей и отношений и *вывести на первый план регулятивную, а не охранительную функцию права, что является характерной особенностью информационного общества как общества тонких и точных технологий.*

Следующее направление рассмотрения правовых оснований информационного общества связано с *понятием договора*, лежащего в основе деятельности современных социальных институтов. Явно или негласно договор цементирует социальную реальность, придает ей упорядоченность и предсказуемость, которые в обыденном представлении характеризуют жизнедеятельность общества.

Договор может быть рассмотрен, как минимум, в двух аспектах. С одной стороны, собственно правовой, договор – это «совокупность условий», сконструированных и закрепленных в качестве общего правила. В этом аспекте он не отражает реальную ситуацию взаимодействия и всегда отстает от нее; не только не способствует развитию взаимодействия, но своей идеей жесткой фиксации и следования правилу разрушает его, поскольку по форме договор заключается «для чего-то», а по сути «от чего-то», ведь он призван регулировать потенциальный конфликт в том взаимодействии, которое изначально фиксирует. То есть, в случае, если все хорошо, договор как акт применения права не нужен; он вступает в действие лишь при отклонении от «нормального» для данного взаимодействия состояния (эта особенность характеризует договор в правовом его смысле). Если мы говорим о договоре как способе определения «нормы», то, во-первых, он автоматически создает необходимость последующего контроля за своим соблюдением и санкций для наказания за отклонение; во-вторых, также автоматически дифференцирует, пусть и на перспективу, статусно-ролевые характеристики его участников – кто-то занимает позицию «ответчика», кто-то – «истца».

Для индустриального общества, регулятивно отталкивающегося от теории общественного договора, такой подход нормален и желателен. В информационном обществе, где каждый участник максимально ценен, поскольку вкладывается во взаимодействие настолько, насколько может и желает этого, данный способ регулирования отношений недостаточен, а может быть и губителен, поскольку взаимодействие здесь должно строиться более деликатно. Ведь с середины XX века, с развитием кибернетической и информационной теорий, понятие информации теряет свой классический статический характер и перестает рассматриваться в значениях «ознакомления», «разъяснения» [11], подаётся как отражение разнообразия в любых объектах и процессах, имманентно включает идею процессуальности. Информация – это событие, происходящее здесь и сейчас, в ткани непосредственного «живого» бытия. Таково понимание договора во втором, информационном его аспекте, следуя которому ответственность за

происходящее распространяется на всех участников договора и не может быть виновности одного при «правости» другого (или других).

Данная точка зрения получила практическое воплощение в современном глобальном политико-правовом пространстве в форме феномена *международного права*, где, по сути, происходит отказ от единого координирующего центра, когда государства-участники вынуждены сознательно отказываться от принципа прямой силы (прямого управления, санкций) по отношению друг к другу и исполнять утвержденные договорные обязательства на основании глубокого и ответственного понимания их перманентного развития, целесообразности и полезности для самих себя и сохранности устойчивости отношений, развития социального мира в целом.

Представляется возможным и целесообразным развитие данной теоретической конструкции в рамках и российского национального права.

Итак, в ходе социально-философского исследования правовых аспектов информационного общества выявлена целесообразность и необходимость дальнейшего рассмотрения коммуникационной природы современной социальной практики, а значит и коммуникационной природы права, в частности, договора, в исследованиях которой в отечественной социально-правовой школе имеется давняя традиция.

Здесь нужно подчеркнуть, что «...коммуникация всегда имеет очевидную, внешнюю, техническую форму и неочевидное, подразумеваемое, внутреннее содержание» [7]. Так, А.В. Поляков, раскрывая последовательное, как минимум двухвековое становление отечественной школы права, строящейся на сложной методологии идей коммуникации, феноменологии, интерессубъективности и диалогичности, альтернативной западной позитивистско-этицистской теории права, утверждает, что истинная коммуникация есть имплицитная коммуникация, предполагающая «внутреннее, сущностное взаимопонимание, основанное на идее саморазвития коммуникации как некоего синтеза – наиболее полного раскрытия и реализации взаимных интересов субъектов взаимодействия, интересов и личных, и сверхличных одновременно» [7].

Информационное общество предполагает принятие субъектом взаимодействия ответственности за существующее положение дел в информационной и правовой реальности, что может быть реализовано путем качественной подготовки молодых кадров и всестороннего развития правосознания общества в глубинном культурологическом его значении. Фактически это означает перенос функции социального контроля извне (от санкции правовой нормы) внутрь правового взаимодействия, точнее, на личностный уровень его субъектов; одновременно это также означает отказ от институтов вторичного социального контроля в пользу первичного, регулятивного.

Имеем в виду, что правовое взаимодействие является видом социального взаимодействия и осуществляется по тем же объективным законам, как и любое другое социальное взаимодействие, общими чертами

которого являются коммуникативная ситуация, сами субъекты взаимодействия, внешняя по отношению к коммуникативной ситуации среда, т.е., целостная социальная реальность, стремящаяся к собственной устойчивости, равновесию, гармонизации.

В этом ключе для исследования правовых аспектов информационного общества имеет значение универсальная *категория смысла*. В контексте настоящего исследования данная категория позволяет наилучшим образом отразить существенный антропологический аспект правовой реальности не только на стадии правотворчества, но и в процессе реализации права его экспертами – судьями.

Смысл выступает универсальной стороной любого субъективного (индивидуального) или объективного процесса (взаимодействия двух и более людей). Универсальность смысла в том, что он присутствует независимо от воли и желания людей в любом социальном или природном процессе, а его понимание позволяет человеку быть адекватным ситуации и эффективным в своих действиях.

Итак, знание смысла позволяет действовать разумно, целесообразно, эффективно. Поэтому «смысл» можно сравнить с понятием «закона» в науке. Например, зная законы природы, можно успешно организовать хозяйственную деятельность. Важно отметить, что смысл – не результат человеческого произвола, а нечто, существующее в действительности. Несмотря на это, разными людьми один и тот же понятый смысл может интерпретироваться по-разному.

Даже позитивистская юриспруденция содержит в себе данный феномен, – он выражается через судебную практику, институт судебного прецедента, когда «экспертом» – судьей – постигается смысл конкретного произошедшего случая, требующего реализации права в любой из ее форм, даже при отсутствии правонарушения, когда, например, требуется установить факт, имеющий юридическое значение, влекущий возникновение, изменение или прекращение правоотношений. По сути, в конструкции судебного прецедента содержится требование того, что смысл применяемой правовой нормы должен определяться конкретными ответственными экспертами (судьями) самостоятельно, так как от этого выбора интерпретации смысла зависит то, как будет разворачиваться ситуация взаимодействия в реальности. Очевидно, что судья в данном случае выступает в роли эксперта, но его мыследействия не могут и не должны быть механическим воспроизведением санкции правовой нормы, это всегда личное творчество, выбор, принятие решения, определение направления, в котором должна развиваться правовая реальность.

Определение смысла в праве – это личная ответственность, которую юрист берет на себя в профессиональной сфере. Смысл задает тот профессионально-личностный контекст, в котором осуществляется правовое взаимодействие. В этом случае можно говорить, что смысл субъективен (на уровне интерпретации, объяснения, внешнего выражения). Это похоже на то,

как одно и то же явление природы с его целостным смыслом может быть предметом исследования разных наук с их специфическими законами и, соответственно, иметь разное объяснение: например, вода – в физике, химии, биологии и т.д. Причём ни одна из интерпретаций смысла не может быть исчерпывающей. Поскольку каждая ситуация взаимодействия представляет собой фрагмент действительности, она располагает бесконечными возможностями для интерпретации ее смысла. Какую субъективную интерпретацию смысла выберет человек, зависит от целей, которые он сознает и ставит перед собой.

Данное рассуждение вновь свидетельствует о возможности и даже необходимости переноса функций социального контроля в сферу ответственности осознающего и действующего субъекта. В этом и заключается *принцип построения правовой реальности в информационном обществе*. Только в информационном обществе ответственность за выбор правильной интерпретации смысла своего действия должен нести каждый его субъект, тогда как в обществе индустриальном данную функцию выполняли лишь наиболее подготовленные, грамотные специалисты.

Таким образом, рассматривая взаимодействие социальных и правовых аспектов в процессе становления информационного общества в России, нами положена *идея социально-философского анализа феномена новой информационной реальности в современном российском обществе на стыке аксиологии, гносеологии, социальной философии и философии права* (конструирования социальной реальности).

Выявлено, что в условиях ускоренного развития информатизации и телекоммуникации проблема адекватного нормативного регулирования новых общественных отношений выдвигается на первый план. Существенной особенностью новой модели регулирования социальных отношений может стать *система ответственного саморегулирования*, которая содержит *отказ от прямого, директивного управления* и переносит функции социального контроля в сферу ответственности осознающего и действующего субъекта.

Социальные аспекты информационного общества отчётливо проявляются в повышении качества жизни отдельного человека и общества в целом через готовность социальных институтов к качественным переменам своего функционирования, имея наглядное подтверждение через цивилизационный, политический, экономический, религиозный, научный, образовательный и семейный аспекты.

Социальные аспекты информационного общества в России имеют шанс на дальнейшее развитие только при должном нормативно-правовом обеспечении. В то же время его правовые аспекты лишь отражают сложившиеся в обществе требования и тенденции. Поэтому социальные и правовые аспекты информационного общества в России могут успешно развиваться, только находясь в диалектическом единстве.

Таким образом, взаимодействие социальных и правовых аспектов информационного общества в России становится ведущим в процессе его становления и нуждается в пристальном и заинтересованном отношении со стороны личности, государства и общества в целом.

Литература:

1. Байтин М.И. Сущность права // Теория государства и права. Курс лекций. М., 2006. С. 131-161.
2. Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Самореферентные системы. Н. Луман / Западная социология. СПб., 1997.
3. Дилтс Р., Халлбом Т., Смит С. Убеждения: Пути к здоровью и благополучию. Портленд Орегон: Метаморфоз Пресс, 1993.
4. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / Социологос. Общество и сферы смысла. М., 1991.
5. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984. С. 64.
6. Петрова Л.В. О естественном и позитивном праве // Государство и право. 1995. С. 32-33.
7. Поляков А.В. Российская теоретико-правовая мысль: опыт прошлого и перспективы на будущее // Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2006. С. 87.
8. Посконина О.В. Философия государства Никласа Лумана. Ижевск, 1999.
9. Тихонравов Ю.В. Философия права. М., 1996. С. 15.
10. Филиппов А.Ф. Социально-философские концепции Никласа Лумана // Социологические исследования. 1983, № 2.
11. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 222.
12. Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М., 1988. С.7.